

В НЕОКОНЧЕННОМ произведении, чей жанр Шукшин определил как «документальная поэма», он писал о Марии Сергеевне: «А вот мать моя... Дважды была замужем, дважды оставалась вдовой. Первый раз овдовела в 22 года, второй раз в 31 год, в 1942 г. Много сил, собственно, всю жизнь отдала детям. Теперь думает, что сын ее — вышел в люди, большой человек в городе. Пусть так думает. Я у нее учился писать рассказы».

С малых лет Василий Шукшин унаследовал от матери душевный дар — тепло сердечное. Спустя годы стремление к празднику души унаследовали и герои шукшинских произведений — литературных, сценических, кинематографических: судьбу молодого художника вы-

и малой родины сбывался во времени талант Шукшина — художника, сказавшего как-то в сокровенную минуту матери: «На телеге-то у меня самый разный люд едет. Сам народ-батюшка, да! Только наделен он чертами моих земляков — крестьян, потому что так мне легче и сподручней выражать свои мысли. Черты крестьянские — это как бы мое особое средство, своеобразное орудие художественного отображения общенародной жизни. А давал и дает мне это средство мой родимый уголок — Сrostки».

1946 год стал переломным временем в житейской судьбе Василия Шукшина. Он сделал первую попытку прорваться в иное социальное измерение — дальним притягательным магнитом влекла сельского паренька МОСКВА. Из воспоминаний, се-

портрет, как подарок... Будто он, Есенин, родственник ему или самый дорогой человек. Я как-то говорю ему: «Вася, сколько же ты можешь возить портреты Есенина?» А он мне отвечает: «Мама, ведь портреты-то разные...» Любил он Есенина. И стихи мне его читал. Не успеешь почитать, а он их уж на память знает! Библиотека-то у Васи теперь, ой, большая в Москве. А начиналось-то все с маленького домашнего шкафа — я сейчас тот шкафчик в Сросткинский музей отдала. У Васи и книги Есенина были, да он даже вот и без книги, так вот, чего-нибудь разговоримся, много мне рассказывал, кто такой этот Есенин — писатель ли, поэт ли был. Я-то сама не знала про него ничего...»

С поэзией Есенина Василий Шукшин встретился еще в юности и даже пробовал стихи писать, подражая любимому поэту. Стихов тех было несколько десятков, целая ученическая тет-

Он и шел во многом от «сложности жизни». Мария Сергеевна рассказывала, что первое упоминание о замысле «Калины красной» появилось у Василия Макаровича после посещения колонии несовершеннолетних. Всю ночь он ходил и курил, а утром поделился с матерью о своей будущей работе, в которой ему хотелось рассказать о судьбе «человека на переломе». И среди тех вопросов, что во множестве задавались Шукшину в той колонии, звучали и вопрошающие слова о Сергее Есенине...

Жизнь — начистоту, творчество — честное, на едином дыхании, когда «дороже ничего нет» и «не утерпишь, расскажешь», — все шло у Василия Шукшина от матери. И как итог — клятва себя, художника. «Изо всех сил буду стараться рассказать правду о людях. Какую знаю, живя с ними в одно время», — писал Василий Макарович в конце 60-х годов в статье «Нравственность есть Правда». В те же годы в

А я когда в больницу ложилась, то не сказала, что мать я Васина, — шибко не люблю я этого. Однако вижу, что ничего не поделаешь — надо открываться мне. Долго не верили, даже паспорт пришлось показывать — Вася-то там был вписан. После того дали мне карточки, да еще и отругали, что, мол, раньше не сказывалась... А я не люблю выставляться, таким вот и Васю растила, он у меня тоже такой...»

Мария Сергеевна рассказывала и о деду «Василия — своем отце — Сергее Федоровиче Попове, который был лучшим на селе плотником. Это он приучил внука с малых лет владеть топориком, когда мальчик отправлялся с матерью на корчевку лесных пней. С этим же топориком Вася ходил с Марией Сергеевной на гору Бикет в годы войны, когда они оба — мать и сын — искали на взгорье корень сладкой, ценившийся за свой сладкий вкус, ибо заменял редкий в ту пору сахар...»

В одну из наших встреч Мария Сергеевна поведала и об этом времени своей жизни:

«Корчевал Вася со мной пни, уставали очень, а он ребенок ведь совсем был. Несет лопатку, топор, лом, веревку — все тяжелое — так вдвоем и шли. Отец у меня был плотник. Я ему и говорю: «Тятя, дай Васе топорик маленький». Подыскал он мальчонке топорик поменьше, а тот был рад, подрубает корешочки — тут ведь лес-то был непроходимый. А он маленько передохнет и снова. Гляжу, рубашонка-то на нем вся уж мокрая от пота... А после я спрошу: «Устал сыночек?» «Нет, нет, мама, жарко просто, нисколько не устал», — отвечал мне».

Читала я как-то книгу его — это после смерти Васи — да и наткнулась вот на слово то, где он пишет, что устает, как на раскорчевке пней. Я прямо день целый плакала сидела: «Господи когда покалится-то!..»

Многим дед Шукшина запомнился и как мастер кулачных боев в Сростках. Так уж повелось от дедов-прадедов: одна сторона села затевала драку с другой. Нынче в Сростках появились названия улиц, а в те времена концы большого села именовались по-местному — Низовка, Дикари, Мордва, Баклань. Семья Поповых-Шукшиных была с Низовки, а низовские всегда дрались с Бакланью. Сергей Федорович начинал обычно с того, что вначале подбадривал кулачных бойцов, а уж после, когда дело было в разгаре, он, не выдержав накала боя, сам ввязывался в тот бой на кулачках, одолевая противника. Оттого, видно, и в шукшинских персонажах укоренилась отличительная от прочих иных черта их характера — бунтарский разинский дух, дух людей — выходцев с Волги и с вольного Дона. Степан Разин, Воеводины и Любавины, Егор Прокудин, Спирька-сураз — каждый из них способен был в отчаянную минуту жизни постоять за себя с оружием в руках. Осмысление русской истории в художественных образах — такой стала для Василия Шукшина тема жизни и деяний Степана Разина — человека, который, по выражению Шукшина, «так прочно пойман народной памятью». Роман о Разине — это повествование о человеке, искавшего волю, отсюда и точное название: «Я пришел дать вам волю». И воля та искалась по всей Руси — от Волги до берегов Катуня. Через судьбу Разина и его сподвижников писатель искал и свои родовые корни, когда рассуждал на страницах романа о том, как в Волгу река Сура вливается, а в Суру — маленькая речушка Шукша... А там еще и деревня была Шукша, что вскоре погорела, и разошлись от голодной смерти по белу свету жители той волжской деревни, разошлись куда глаза глядят. Некоторые из них в Сибирь двинулись — на земли вольные... К этим рассуждениям Шукшин добавлял от себя в устных разговорах: «Как они по два-три года добрались до мест своих поселений! Впрочем, наверно, это становилось образом жизни — в пути. У меня отец Макарь, я где-то прочитал, что Макарь — это путевой».

Мария Сергеевна вспоминала: «Помню, прочитала его «Стеньку Разина» и говорю ему: «Вася, как же ты сыматься-то будешь? Там ведь сканать надо». А он только засмеялся на это: «Ты, мама,

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Алексей КАЗАКОВ

О чем рассказывала Мария Сергеевна Шукшина...

ШУКШИНЫ: мать и сын. Сростки, 1963 год. Публикуется впервые. Фото Ю. ГРИГОРЬЕВА

страивал пример матери, и он же, тот пример, выстраивал книги, пьесы и фильмы Шукшина. Оттого, вероятно, Василий Макарович никогда не увлекался внешними событиями жизни, а возлекался в саму эту жизнь, яростно вставая в нее со всеми «за» и «против». С детства он привык быть в деле, «в бечеве», как сам о том говорил, и добавлял: «Впрочем, мне и нравилось больше в бечеве, правда... Хорошо именно то, что все это на ходу, не нарочно, не для удовольствия. А главное — ты, а не тот, на корме, основное-то дело делаешь...»

Вот это — быть в деле — Василий Шукшин перенял от матери, с того незабываемого времени «далеких зимних вечеров» холода и голода начала 40-х военных лет. Об этих годах Мария Сергеевна рассказывала:

«Складывали смирды и пешком домой шли, а уж поздно, везде иней, все застынет, но мы работали. Вот почему и так — вот стали: обезножели, сердца больные, руки и те не слушаются... Как холода начинались, то не знала, куда и деваться-то с детьми, ислей-то не было у нас. А Васю-то я с собой брала в поле, ему было пять лет в ту пору. Я ведь еще и почему стала брать его: болла река, набы в Катуню-то не утонул. Ну, упростила бригадир нашего Ермолая Григорьевича: «Можно мне Васю брать с собой, пусть побудет возле меня», — да и обсказала все... Ну, Ермолай Григорьевич и говорит мне: «Да давно бы взяли ребятенка, чего ты? Бери, бери — пусть он здесь с парнишками играет». Так Вася и привык здесь с другими ребятами».

После войны Мария Сергеевна еще несколько лет проработала в колхозе, в основном в поле. Дочь совсем ребенком была, а Вася помогал матери. И гулжым работал на жнейке, и воду возил на быках с Катуня для поливки табачных плантаций. Такая работа валила с ног, едва хватало сил добрести до крыльца избы. «Приду, а мои лежат у крыльца, спят, и кобель с ними. Перетаскаю насилиу их в избы», — вспоминала Мария Сергеевна.

От своего народа, от большой

стры писателя: «В общем, бросил он техникум, вернулся домой, в Сростки, и говорит: «Мам, я в Москву поеду». В доме волнение: зачем? Для чего? У нас же там ни родных, ни знакомых. Да и время-то какое трудное — послевоенные годы... Как он мать уговорил, до сих пор не понимаю. А по-моему, и не уговаривал очень. Сама поняла, сердцем почувала: не удержать парня дома. Продала корову Райку, выручила три тысячи старыми деньгами и все отдала ему: «Езжай, сынок»...

Сын родной земли, Василий Шукшин был плоть от плоти ее. Как березы. Узор яркой березовой бересты стал для Шукшина природным символом-смыслом собственной жизни, протекавшей то в весенних шумах, зовах и звонах, то в осенней стылости обнаженного березового белостволя, то в голосисто-тоскливых снежных ветрах, с их вольным разгулом по равнинам русских полей. Очень он верил в притягательную силу земли, не уставая повторять о себе: «Я родом из деревни, крестьянин, потомственный, традиционный». Василию Макаровичу очень хотелось снять документальную ленту о людях Алтайского края. «Снимать надо людей. И не всех брать, а только тех, которые отсюда уезжают! Они же, черти, все равно потом приедут», — говорил Шукшин. И объяснял, почему, по его мнению, люди должны вернуться к своей родной земле, к крестьянскому труду: «Родная земля-то — она тепленькая...»

Неподдельное чувство прекрасного, сопереживание при встрече с настоящим, истинным было в крови Шукшина, человеческая наследная память которого хранила свято «древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону, Есенина». Эти шукшинские слова вспомнились мне при встрече в Сростках с Марией Сергеевной. Она рассказывала:

«О Есенине-то Вася не просто говорил, а любил даже его. И сейчас у Наташи, сестры его, висят в квартире три портрета Есенина. Он как ехал к нам, так и вез новый

радка, рассказывала Мария Сергеевна, да вот не сохранилась она. Но и повзрослев, Шукшин не забыл про свои поэтические опыты, поставив одно из своих юношеских стихотворений в эпиграф рассказа «И разыгрались же кони в поле». Многие стихи поэта Василий Макарович знал наизусть, а особо любимое «Мир таинственный, мир мой древний» ввел в киноповесть «Калина красная». А что такое фильм Шукшина, снятый по этой киноповести? Это же кинематографическое воплощение есенинского сюжета (вспомним лирический шедевр поэта «Письмо к матери») о бесприютном, блудном сыне, который когда-то давно покинул «низкий дом с голубыми ставнями», оставил «в вечернем синем мраке» мать-старушку, но все еще мечтает «скорее от тоски мятежной воротиться в низенький наш дом». Поистине сюжет, возможный исключительно на русской почве! И автор фильма понимает, что лежит в основе его картины, ощущая родство «Калины красной» с есенинским «Письмом к матери». Прикосновение к есенинскому поэзии рождало в Шукшине и мысли о собственной дальнейшей дороге в искусстве. «Теперь надо выходить на дорогу более широких размышлений, требуется новая сила и смелость, требуется мужество открывать новую глубину и сложность жизни», — откровенно признавался Василий Макарович перед читателями на страницах «Правды» в мае 1974 года.

одном из писем к сестре Наталье он писал: «Верю в народ. Посмотри на нашу маму... — это народ с большой буквы».

«...В долгом разговоре о сыне Мария Сергеевна вновь и вновь возвращалась ко времени его детских лет: «Подождал понос. Тут уж обседлали Васе лошадей, да опять заторы: набы лошадей-то в поносы не зашла, не вытоптала, а вдруг ругать ребенка будут... Но нет, не ругали, все ласково и нему относились. Подъедет он на лошади и стану, а бригадир наш, Ермолай Григорьевич-то, и спрашивает: «Ну, как, Васек, не упал с лошади?» Ребятенки-то мой и отвечает: «Да нет, я хотел падать, да за седло удержался...» «Господи, — думаю, — что же ты сказываешь-то, глупенький ты мой, миленький...»

А ведь у Васи не было же этого, лживого слова, с детства не было. С честным словом и родился он, с самого, с ребенка, таким был. Еще при жизни Васи положили меня как-то в Бийске в больницу, с сердцем было плохо. Врачи хорошие, кормят хорошо — да и много ли старухе надо? Иду это я по коридору и вижу: стоят врачи, иначки и чего-то рядятся меж собой. Мне до них дела нет — иду себе. Но только слышу спор у них вышел из-за каких-то карточек, вроде как поделится их не могут. Я не вытерпела да тоже глянула. Батюшки мои, карточки-то сына моего! Как бы открытки вроде. Я и спрашиваю: «А среди больных не будут распределять?» Врачи смеются надо мной — зачем тебе, старая, артист молодой понадобился? Я все же прошу, чтоб хоть одну-то выделили мне карточку, уж сильно захотелось, прям не могу сказать как! Они мне и говорят: «В ниоске были карточки те, да только расхватили все...»